

**ДЕРЖАВНИЙ КОМІТЕТ
РАДИ МІНІСТРІВ
УРСР
ПО КІНЕМАТОГРАФІЇ**

Київ 1976 р.

**УКРАЇНСЬКА СТУДІЯ
ХРОНІКАЛЬНО-ДОКУМЕНТАЛЬНИХ
ФІЛЬМІВ**

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ

УРСР

Шкільний навчальний

ДІАФІЛЬМ

К. СИМОНОВ

**ЖИВЫЕ
И МЕРТВЫЕ**

К сведению учителя

Диафильм предназначен для уроков-бесед по современной советской литературе в IX классе.

Рекомендуем использовать его после знакомства учащихся с текстом произведения.

В заключительном кадре содержатся вопросы, на которые целесообразно ответить после демонстрации диафильма.

*...Когда непогода
Забуть не дает о войне,
Зима сорок первого года,
Как совесть, заходит ко мне.*

*Не чтобы ославить кого-то,
А чтобы изведать до дна,
Зима сорок первого года
Нам верною меркой дана.*

*Пожалуй, и нынче полезно,
Не выпустив память из рук,
Той меркой, прямой и железной,
Проверить кого-нибудь вдруг!*

К. Симонов, 1956 г.

Война. Миллионы людских сердец снова и снова с горьким чувством обращаются воспоминаниями к этому трудному времени. Вспоминают живых, невыносимыми потерями заплативших за то, чтобы видеть мирное небо сегодня, и мертвых, отдавших жизнь за это небо.

Журналист, поэт, драматург, писатель, Константин Михайлович Симонов исходил немало фронтовых дорог. Всю войну был корреспондентом газеты „Красная Звезда“. Виденное и пережитое оставило в его душе глубокий след. Не случайно все, что он написал в прозе, связано с войной.

Особенно привлекал и мучил писателя первый, самый сложный и противоречивый период войны, когда гитлеровская военная машина всей своей мощью обрушилась на нашу страну. Симонов сам пережил кошмар отступления и еще в своих фронтовых стихах пытался отразить мысли и чувства, волновавшие тогда людей. „Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...“

На участке с-р
справа был отрез
со станции Раздель-
ная.
Кр-дубину при
зам Раздельную взять
обратно
Это было 11 апреля
к 3 часам ночи
События / боями
со станцией до по
ружья. Было ^{никогда}
Станция горела.

Листок из фронтового блокнота.

Через двадцать лет после окончания войны писатель снова вернулся к этой теме — к дорогам Смоленщины, Белоруссии, Подмосковья... С новых исторических позиций он оценивает события, людей, объясняет причины первых неудач, вскрывает истоки будущих побед. Так появляется роман „Живые и мертвые“ — первая книга одноименной трилогии (1956 г.).

4
1
18

Самые
расхожие
жанды
Сарганды

Анатолия

Нечто из истории
Турция & Балканские государства
Босфор, и Балкан
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые

AT
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые

Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые

Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые

Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые

Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые

Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые

Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые
Самые

Первая книга трилогии—на две трети роман-хроника, роман фактов. Книга эта выросла из собственного опыта писателя, из дневников, которые он вел на фронте. Автор отказался от всякой патетики. Он стремился к реалистическому, документально точному изображению войны.

Яркая галерея эпизодических персонажей составляет лицо сражающегося народа, и он-то, народ, является подлинным героем всей симоновской трилогии.

Первый день войны застал семью Синцовых в Симферополе, на жарком привокзальном пятачке, где они ждали автобуса в Гурзуф. Радио хрипло сказало, что началась война, и жизнь сразу разделилась на две несоединимые части.

Возвращение в Москву, безуспешные попытки достать билет до Гродно, где политрук Синцов служил секретарем редакции армейской газеты и где за тысячу верст от них оставалась годовалая дочь, грустное прощание с Машей на пустом московском перроне...

Утром поезд дотащился до Борисова и стал: путь между Борисовом и Минском был разбомблен и перерезан немецкими танками. Весь этот день Синцов прожил, как в тумане. Неразбериха, бомбежка, обстрелы, лихорадочные поиски своего места в этом аду, гибель людей, неизвестность, отступление, паника.

Острое и болезненное чувство родной земли, которая где-то там, позади, уже истоптана немецкими сапогами и которая завтра может быть потеряна здесь, переворачивало сердце.

Он оказался не в своей части, ищущим свою неизвестно где находящуюся редакцию. Три дня под обстрелом и бомбежкой где пешком, а где попутной машиной добирался до Могилева.

Многое довелось повидать ему на дорогах войны. На шоссе под Могилевом Синцов стал свидетелем неравного боя наших медлительных ночных бомбардировщиков с быстроходными „мессершмидтами“. На его глазах был сбит наш единственный „ястребок“.

Летчик лежал на маленькой лесной полянке. Он никогда особенно не боялся смерти, но сейчас ему было до отчаяния страшно, что фашисты, найдя его, будут расписывать, как легко они сбили его, генерала Козырева, героя Испании, одного из первых советских асов.

Когда он вдруг, в полузабытьи, услышал голоса, он не подумал ничего другого, кроме того, что к нему подходят фашисты и он должен сначала стрелять, а потом застрелиться. Сосчитав пять выстрелов и боясь обсчитаться, он дотянул руку с пистолетом до лица и выстрелил себе в ухо... Одним из первых выстрелов был ранен Синцов...

...Машину, в которой ехал Синцов, остановил лейтенант в танкистской форме.

— Стой! Кто такие? — лейтенант рывком открыл дверь кабины. — Давайте машину с дороги и к нашему капитану.

В лесу, на полянке, старшина-танкист, отрывочно подавая команды, строил, вздвигал, поворачивал „кру-гом“ сорок красноармейцев с винтовками.

У броневичка сидел капитан-танкист.

— Мне люди нужны, — сказал он, — подполковник приказал сколотить триста человек пополнения из тех, кто по лесам шляется, и я их сколочу, будьте покойны!

„Все не так плохо“, — сквозь усталость и боль подумал Синцов.

Наконец он попал в штаб 176-й дивизии, а оттуда в полк комбрига Серпилина, где царил образцовый порядок, где люди дрались мужественно и стойко и где, уставший от неразберихи, паники и суеты отступления, Сницов решил остаться.

Федор Федорович Серпилин был человек с одной из тех биографий, что ломаются, но не гнутся. Всю жизнь занимался он одним делом— как умел, по-солдатски, служил революции. Он кончил гражданскую, командуя полком на Перекопе, а после почти всегда учился. Кончил Академию Фрунзе и преподавал там тактику.

В тридцать седьмом его арестовали. Но ни разу он не обвинил Советскую власть в том, что с ним было сделано: он считал это чудовищным недоразумением, ошибкой, глупостью, а коммунизм оставался для него святым, незапятнанным делом.

Первый удачный бой наполнил Серпилина верою в то, что вообще все не так худо, как показалось сначала. И если немцы пока теснили нас, давалось им это не просто. В конце концов на каком-то рубеже они будут остановлены. Вопрос только, где будет этот рубеж.

Затишье не радовало Серпилина. Он понимал, что будет бой. Немцы прорвали фронт и слева и справа от Могилёва, дивизия же прикрывала Могилев, сюда сходились дороги, здесь был мост через Днепр.

У Серпилина Синцов встретил давнего своего знакомца, веселого неустоимого фотокорреспондента Мишку Вайнштейна. Мишка снимал для московской газеты немецкие танки, подбитые в бою нашими бойцами.

К вечеру, захватив написанные Синцовым и другими офицерами письма, Мишка на своем пикапчике уехал в Москву.

И никто не знал, что Мишкú смертельно ранят утром, и он, собрав последние силы, заползет в кустарник у дороги и, истекая кровью, будет засвечивать пленку со снимками, а потом ослабевшими толстыми пальцами будет рвать в клочки письма, которые люди посылали с ним своим женам. И клочки этих писем сначала усыпят землю рядом с истекающим кровью, умирающим Мишкиным телом, а потом, гонимые ветром, понесутся под колеса немецких грузовиков.

Начался бой. Он продолжался трое суток. Вначале немцам почти нигде не удалось продвинуться, хотя дивизия дралась в окружении, и первой задачей немцев, видимо, было уничтожение серпилинского полка.

Командир дивизии полковник Зайчиков пробрался к Серпилину. Когда атака захлебнулась, комдив заторопился в соседний полк. Через полчаса немцы нанесли тяжелый бомбовый удар по стыку Серпилина с соседним полком, а еще через час комдива принесли обессиленного, тяжело раненного осколком бомбы в живот.

С тревогой думал он о судьбе своих отрезанных друг от друга полков. По шуму боя стало ясно, что один полк погиб, а остатки второго пробиваются к своим. В этих условиях и серпилинскому полку приходилось идти на прорыв.

...Полтораста человек, оставшихся от серпилинского полка, шли лесами. Каждый третий из ста пятидесяти был легко ранен, тяжело-раненых несли на носилках. Несли и умирающего Зайчикова.

Серпилин шел в голове колонны. Казалось, что он шагает легко и быстро, но давалось это немолодому Серпилину ценой большой силы воли, сознанием того, что он идет впереди.

Головной дозор донес, что встретились свои из соседнего полка. Их было девятнадцать человек. Они вынесли знамя дивизии. Старшина Ковальчук развернул его так, чтобы комдив видел знамя—измятое, пропитанное солдатским потом, но спасенное.

До вечернего привала присоединилось еще три десятка людей, среди них—женщина-врач. Врачиха была молоденькая и такая крохотная, что казалась совсем девочкой. Она окончила зубо-врачебный институт накануне войны и, когда стали брать комсомолок в армию, конечно, пошла.

Таня Овсянникова рассказывала о себе быстро, скороговоркой. Когда при бомбежке убило врача, она стала врачом. Потом она отступала со всеми, а когда вдруг увидела немца, вытащила наган и убила его. Наган был такой тяжелый, что ей пришлось стрелять, держа его двумя руками.

Среди присоединившихся был комиссар полка Шмаков. За последние трое суток он увидел столько мертвых ровесников своего мертвого сына, что отцовская скорбь разрослась и превратилась в гнев.

Сейчас он ненавидел немцев так, как когда-то ненавидел белых. Больше меры ненависти он не знал, и, наверное, ее и не было в природе.

Ночью в гуще молодого ельника обнаружили группу. Пять почерневших, тронутых голодом лиц, пять пар усталых, натруженных рук, пять измочаленных, грязных, исклестанных ветками гимнастеров, пять немецких, взятых в бою автоматов и пушка, последняя пушка дивизиона, не по небу, а по земле, не чудом, а солдатскими руками перетащенная сюда с границы, за четыреста с лишним верст... Нет, врите, господа фашисты, не будет по-вашему!

— Прошлой ночью выкатили пушку к шоссе на прямую наводку, и по автоколонне, в головную машину, прямо в фары дали!— сказал старшина.

— А что лес прочешут, не побоялись?

— Надоело бояться, товарищ комбриг, пусть нас боятся!

...Комдив умирал. Лицо его перед смертью осунулось и от худобы помолодело. Серпилин вдруг вспомнил, что Зайчиков на целых шесть лет моложе его, и горечь старшего, у которого на руках умирает младший, охватила его. Зайчиков умер ночью, в час, когда разведчики доложили, что на шоссе немецкие патрули и движение машин.

Серпилин был полон решимости дойти до своих. Он не знал и не мог еще знать в ту ночь полной цены всего уже совершенного людьми его полка. И, подобно ему, полной цены своих дел не знали тысячи других людей, в тысячах других мест сражавшихся насмерть с не запланированным немцами упорством.

Они не знали и не могли знать, что генералы еще победоносно наступавшей на Москву, Ленинград и Киев германской армии через пятнадцать лет назовут этот июль сорок первого года месяцем обманутых ожиданий, успехов, не ставших победой. Они не знали этого, но почти каждый из них приложил руку к тому, чтобы именно так и случилось.

Люди Серпилина — больше трехсот человек — прорвались через позиции немцев первого октября и вышли под Ельней на участке танковой бригады полковника Климовича. Серпилин был ранен в последнем бою в обе ноги.

Решено было провести торжественное построение вышедших из окружения, а затем после сдачи имевшегося оружия (большей частью трофейного) отправить их в тыл на переформирование. Многие недоумевали, зачем сдавать оружие, но приказ есть приказ...

Колонна из тринадцати грузовиков и двух „эмочек“ уже второй час ехала по лесному грейдеру, который впереди выходил на Юхновское шоссе. Синцов ехал в середине колонны и чувствовал себя счастливым и беспечным. Он был дома.

У небольшого моста произошла заминка. Один из грузовиков зацепился за балку. Голова колонны поехала дальше, остальные, с полчаса провозившись с застрявшей машиной, двинулись следом. Никто не знал, что вынужденная остановка разделила их на живых и мертвых.

КОНЕЦ І ЧАСТИ